

Ловись, рыба, большая и маленькая!..

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ, СЛУЧИВШИЕСЯ НА ГОРНЯКЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ... ЯКОРЕМ

Этот случай произошел в конце 70-х с жительницами Горняка Риммой Михайловной (Царствие ей Небесное) и ее племянницей Татьяной. В те годы на рыбалку выезжали в основном на деревянных лодках, резинок было очень мало, да и те ненадежные для морского лова: борта низкие, дно ненадувное, ходовые качества плохонькие. А море есть море, это вам не озеро со спокойной водой. Волна на море – не шуточки.

Наш город удачно расположился в перекрестье двух бухт – Нагаева и Гертнера. Может, поэтому у нас так много любителей такого отдыха, как рыбалка. И если испокон веков рыбная ловля считалась делом сугубо мужским, то в наше время и в нашем месте от мужчин не отстают в своем пристрастии и женщины.

Рыбалка – занятие азартное. Я имею в виду не промысел рыбы, когда – сетями и как можно больше, а именно тот вид рыбной ловли, когда с замиранием сердца и напряжением всех нервов ждешь поклевки, чувствуешь ее, а потом стремительно тащишь добычу и снимаешь с крючка каждую рыбешку. Ох, какое же это непередаваемое чувство – рыбацкий азарт!

Как-то зимой на льду мы с друзьями долго хохотали от увиденной картинке: неподалеку от нас остановился джип, из него вышел супермен и начал бурить лунки. Его легкая куртка и такая же обувь говорили о том, что прибыл он ненадолго или будет бесконечно прыгать в машину греться, потому как морозец стоял отменный, а поклевка, когда даже холода не ощущаешь, а, наоборот, становится жарко, рыбаков не баловала.

Когда он заканчивал пробивать четвертую, мы начали гадать, на какого черта столько дыр, ведь больше двух удочек забрасывать смысла нет. Мужик и вправду вытащил две удочки, размотал и забросил в лунки. И в это время дверца «лимузина» открылась. Все открыли рты: грациозной походкой к лункам подошла леди на высоченных шпильках, в короткой шубке из норки и с видом заправского рыбака начала подергивать удочки. Супермен тоже занял остальные две лунки.

Первой рыбку вытащила леди. Даже леску с добычей она мотала с нужной скоростью и на руки, как и положено на зимней рыбалке. Наблюдавшие эту картину мужики только ахнули: «Ни фига себе!»

Мы еще с полчаса имели счастье смотреть, как эти двое, совершенно не похожие на рыбаков, тягали корюшку одну за одной, в то время как у нас поклевка была намного «жиже». Надергав приличную кучку, леди и ее джентльмен начали, как говорится, сматывать удочки. Вернее, леди так же грациозно удалилась в машину, предоставив мужчине возможность самому уби-

рать снасти.

Конечно же, всех интересовало, почему у них рыба клевала как ненормальная, а у нас – нет. Как выяснил победивший к супермену наш друг, парочка приехала со снастями импортного производства. Рыба приманивалась то ли каким-то ультразвуком, то ли еще какой-то хренью. Но даже после отъезда «рыбной парочки» мужики, не поверив в это, побежали наперегонки занимать лунки. Однако этот маневр удаче рыбацкой так и не принес. Уехала леди, а вместе с ней и поклевка...

Ну так вот, решили девчонки половить окуньков за косой. Он там в траве крупный, да и корюшка иногда поклевывала. За веслами обычно управлялась Татьяна, махавшая ими с детства по-взрослому. Лодку они брали у соседа Михайловны, а весла где-то раздобыли шлюпочные. Вроде и небольшое отличие от простых – длиннее да лопаток почти нет, а ходовые качества просто изумительные. Когда Татьяна шла в разгонку на этих веслах, здоровые мужики угнаться не могли.

За косой, метрах в трехстах по берегу, отвесная скала, стоящая как бы особняком, прорезана сверху вниз тремя почти параллельными трещинами. Местные называли это место «Три щели», делая ударение именно на последнем слоге: «Ты сегодня куда идешь?» «На «три щели» краболовки ставить». Было там место, знакомое местным рыбакам, где хорошо шел крупный краб.

Михайловна, азартная рыбака, пока Татьяна «сушила весла» и опускала якорь, уже разматывала удочку. Метрах в двадцати от них болтался поплавок чьей-то краболовки. Лодок поблизости не наблюдалось.

Начали ловить окуньков. На поплавок внимания не обращали, предположив, что кто-то просто забыл снять. Болтается – ну и шут с ним. Найдется хозяин, вспомнит и заберет.

Минут через двадцать поплавок стал вплотную приближаться к лодке, видимо, слетев с крепежа и разматываясь в свободное плавание, мешая рыбачить своим веревочным «хвостом».

«Да пошел вон!» – толкала сначала удочкой от себя, а потом и отбрасывала его рукой Татьяна. – Вот привязался! Через несколько минут, поняв, что поплавок с любой стороны все равно тащится к борту лодки, Михайловна предположила вытащить краболовку, а потом, когда соберутся домой, сбросить ее обратно.

Татьяна согласилась и стала быстро ее вытаскивать, а Михайловна сматывала веревку на поплавок.

«Ого! Какой красавец!» – восторгалась Татьяна, вываливая внутрь лодки крупного колючего краба. – Сварганим крабика, Михална?»

«Конечно! Вот повезло!» – довольная такой удачей Михайловна повернулась в сторону берега и осеклась. – А вот и хозяин, сейчас он нам задаст крабика! Выбрасывай краболовку и гони домой!» Было видно, как со стороны «трех щелей» какой-то мужик отправляется на «резинке» в их сторону. Трогать чужую снасть всегда считалось на море преступлением, конечно, если она не бесхозная. Ну, а если хозяин есть и он застанет, тут уж не миновать скандала, вплоть до мордобоя.

Татьяна схватилась за весла и гребнула. Лодка слишком легко крутанулась в сторону и с места трогаться отказалась. Один гребок левым и пять гребков правым: лодка как заколдованная крутилась в одну сторону – и ни с места. Рядом на банку плюхнулась Михайловна и взялась за весло. Но один гребок ее весла опять закрутил лодку на месте, хотя Татьяна и работала своим веслом двумя руками сильно и быстро.

«Да что за елки-палки? Что ее держит?» – им стало не по себе от страха. Мельте здесь не пахло – глубина большая, а впечатление такое, что лодка на чем-то стоит. И тут до Михайловны дошло: «А якорь ты вытащила?»

... Мужик на своей «резинке» успел

проделать только половину пути, крича и матерясь. После того, как якорь был брошен в свой уголок на носу, лодка понеслась в сторону Горняка стремительно, оставляя за кормой бурлящий след как от моторки.

Радостная Михайловна сидела, развешиваясь, на своем привычном месте на корме, хохотала в унисон с Татьяной, разогнавшей лодку по спокойной воде до приличной скорости отрыва, и приговаривала, оглядываясь в сторону удалявшегося хозяина краболовки: «Ну-ну, попробуй догони. Может, что и получится... Ты меня-то научишь когда-нибудь веслами махать, паразитка?»

ПОСПЕШИШЬ – РОДНЮ НАСМЕШИШЬ...

У Михайловны и Татьяны, как и у любого старжила-рыбака, было много разных приключений. И смешных, и трагикомичных. По своим темпераментам эта парочка разительно отличалась: Михайловна – «живчик», трудолюбивый и торопыжка, Тать-

яна на ее фоне казалась ленивой и размеренной, прежде чем что-то сделать, проворачивала в голове последовательность. Хотя особо медлительной ее тоже назвать было трудно. Обе прекрасно дополняли друг друга, и любое дело спорилось в их руках, особенно связанное с рыбой.

Татьяниной задачей было наловить рыбу в Дукче, потому что, как не пробовала Михайловна много лет научиться у нее рыбацкой сноровке в речной ловле, так ничего и не получилось. Разделяли улов уже вместе. А вот доводить «до ума» икру Михайловна бралась сама, никого к этому священнодействию не подпуская, хотя делали обе икру одинаково вкусно.

Михайловна всю жизнь любила, холила и лелеяла свою племянку как родную дочь: своих детей у нее не было. После ночных приключений на речке она отправляла Таню спать, но та прикладывалась к подушке только после того, как заканчивали разделять рыбу.

Как-то, обработав ночной Танин улов и посолив икру, Михайловна повесила ее в марле в теньке под крышей своей избушки на стечку, а сама решила пожарить рыбу. Одновременно она успевала делать еще массу всяких дел то в тепличке, то на огороде – их по хозяйству на даче всегда найдется много. Татьяна же в это время спала после ночной рыбалки.

Проснувшись она от вопля тетки и вскочила во дворик. На печке стояла сковорода с шипящим маслом, а Михайловна крутилась на месте, отпуская фразы на определенном жаргоне и махая правой рукой. Основная мысль ее выступления сводилась к тому, что она дура и по своей дурусти обваривала палец.

Выяснилось, что, затопив печку, Михайловна поставила сковороду и побежала в тепличку что-то там срочно продергать. Через несколько минут, управившись, вспомнила про рыбу, выбежала и второпях, не подумав, сунула указательный палец в масло на сковороде. «Зачем пальцем-то?» – вопрошала Татьяна, намазывая обваренный палец тетки мазью и безудержно хохоча, потому что и сама Михайловна, невзирая на дикую боль, просто загибалась от смеха: «Спроси что полегче. Проверить решила, нагрелось оно или нет!» «Ну и

как? Проверила? Масло-то нагрелось?»

На этом приключения Михайловны в этот день не окончились. Прошло часа два, «страсти по маслу» уже сошли на «нет». С работы приехал ее муж, и втроем родственники занимались домашней работой. На столе кухоньки стояли банки, приготовленные под икру. Они уже начали раздражать торопыжку – стоят без дела и мешают. А икра все стекает и стекает.

И тут опять произошло то, чего никто не ожидал. Михайловна выскочила на улицу прощупать состояние икры и чертыхнулась. Ждать нужно было еще немного – икра была сыроватая. То ли много сразу в одну кучку ее собрала, то ли просто время тянулось медленно... Не раздумывая и торопясь поскорее уложить икру в банки, человек действия Михайловна быстро подняла руки и схватила висевший ком, жамкнув его движением, напоминающим отжим тряпки...

Стоявшая за ней Татьяна изумленно вытаращила глаза, нижняя челюсть, как говорится, отвисла. Сама же Михайловна, уже до половины дожмая комок, поняла, что сморзила что-то из ряда вон и отдернула руки, не успев в трудовом порыве раздвинуть все содержимое в марле.

«Ай да Михална! Ай да молодец!» – сквозь хохот вытаскивала из себя восхищенные формулировки в адрес тетушки Татьяна, перегнувшись пополам на спинке скамейки. На глазах через несколько секунд появились слезы истерического смеха, и она просто упала на лавку, не в силах остановиться. – Ой, не могу! Ой, держите меня!.. Михална! Ой, батюшки!! Не могу!!! Михална-а-а!!!»

Михайловна, обалдевшая, впадшая в ступор, стояла столбом и смотрела на племянницу, все как бы осмысливая произошедший конфуз, не зная, смеяться ей или плакать, ругать себя или пожалеть...

БЕРИ РЮКЗАК – ПОШЛИ ДОМОЙ

Было это в середине августа. Погодка стояла – просто закачаешься, как нарочно созданная для рыбалки. Михайловна и Татьяна собрались быстро, лодку накачали прямо на берегу речки, а не моря, где течение Дукчи сносило плавсредство не в

ту сторону и приходилось делать кружок в обратку. Лодка-трехсотка с надувным дном, почти новая, появилась в их рыбацком хозяйстве год назад. Ее берегли и холили, как драгоценность, за хорошие ходовые качества, удобство и безопасность, и каждый выход в море дарил радость обладания такой прекрасной вещью.

Выезд через устье по течению давал возможность быстро и не напрягаясь дойти на веслах до рас-

падка. Это была их многолетняя коронная фишка, решались на которую только те, кто знал коварство Дукчи, ее отмени и торчащие металлические прутья при выходе в бухту. Это сейчас дню реки более-менее очищено, а предприятия, систематически загрязнявшие речку, прекратили свое существование.

Пока Татьяна накачивала лодку, Михайловна проверяла, все ли взяла. Опять вспомнили и посмеялись над своей первой вылазкой в этом году. Тогда они собрались тоже быстро, горя от нетерпения скорее заняться любимой рыбалкой после долгой зимы да на любимой лодочке. Идти с лодкой в рюкзаке пришлось до распада, потому что Дукча была еще весенней и бурной.

Уже у распада Татьяна осенило спросить, взяли ли они тряпицы, чтобы вытирать руки. Ловить собрались камбалу, а она такая «слипавшая».

(Окончание на 8-й стр.)